разная система, которая может быть объектом недавно возникшей науки — системологии. Нельзя также забывать о том, что существует языковой механизм, управляющийся специфическими законами лингвомеханики. Язык — это тип, вернее, совокупность отдельных типов, что делает его предметом типологии. Язык — это структура, подчиняющаяся специфическим законам образования и сложения структур, открывающая самые широкие возможности для изучения языка структурными методами с использованием моделей, абстрактных схем, формул и т. п. Словом, язык — это то, что может увлечь как самого изысканного стилиста, так и наиболее абстрактно мыслящего математика. Языкознание может успешно развиваться только в том случае, когда все эти аспекты языка признаются равноправными. Л. В. Бондарко совершенно права, когда заявляет: «Чем более разнообразны задачи, ставящиеся и решаемые при изучении языка, тем больше мы узнаем о языке»[1]. Положительное значение современного этапа развития языкознания состоит прежде всего в осознании того, насколько сложен и многогранен язык и что совершенно недопустимо изучать его только в каком-либо одном узком плане.

К сожалению, каждая эпоха в развитии языкознания порождала крайности. Языкознание тщательно оберегали от посягательств биологии, психологии, логики, стремились представить язык как сугубо человеческое явление, а языкознание как сугубо гуманитарную науку или, наоборот, тщательно отгородить языкознание от внешней лингвистики, называемой экстралингвистикой. Некоторые ультраструктуралисты призывали к кибернетизации лингвистической науки, к превращению языкознания в точную науку, подобную математике.

Разве не в те же самые крайности впадает Р. А. Будагов, полемизирующий с ультраструктуралистами? Р. А. Будагов пытается явно абсолютизировать одну из сторон языкознания — его социальные аспекты и объявить это главным и решающим. Не случайно вопрос о принадлежности языкознания к гуманитарным наукам в статье Р. А. Будагова превратился в центральный вопрос, в отправной пункт полемики.

На этом фоне очень спорно выглядит тезис Р. А. Будагова о точности. «Каждая наука,— замечает он,— оперирует своим понятием точности»[2]. «Неточных наук быть не может»[3]. Однако почему же, несмотря на это, за математикой закрепилось название точной науки, но в отношении языкознания этого никто не говорил? Очевидно, потому, что у математики все же больше средств к достижению более точных выводов, чем у языкознания, до сих пор разрабатываемого в узком плане. Структуралисты говорят не о точности вообще, а о точности, обеспечиваемой применением особых структурных и математизированных методов. У Р. А. Будагова же происходит подмена одного вопроса другим. Возражая против отождествления языка с формализацией, он приводит два определения слова. Одно, сугубо формализованное, звучит так: «Слово есть любая цепочка букв, которой предшествует и за которой следует пробел или знак препинания». Второе определение: «Слово — важнейшая лингвистическая единица, обозначающая явление действительности и психической жизни человека и обычно одинаково понимаемая коллективом людей, исторически между собой связанных и говорящих на одном языке». «Первое определение,— пишет Р. А. Будагов,— теоретически беззаботно, оно апеллирует не столько к разуму, сколько к глазу человека (пробел между словами, запятая). Напротив, второе определение многоаспектно, оно стремится учитывать как содержательные категории языка (значения), так и формальные (единица, определенным образом организованная)»[4].

---

[1] Бондарко Л. В. Языкознание и технический прогресс.— «Изв. АН СССР. Серия литературы и языка», 1973, т. XXXII, вып. 3, стр. 255.

[2] Будагов Р. А. О предмете языкознания, стр. 404.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 407.